

ЗДАНИЯ УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО¹

А. Г. Шорин

Вторая часть статьи посвящена истории зданий, которые сейчас являются учебными корпусами УГГУ.

Современные здания УГГУ

Прежде чем перейти к рассказу о современных зданиях Горного, напомним общую историческую канву. В 1920 году Горный был разделен на два института – собственно Горный институт и Политехнический, которые вошли в состав Уральского государственного университета. Причем металлургический факультет, позже отнесенный к УПИ, сначала был факультетом Горного. Но деление на институты вскоре было отменено, поэтому мы уже будем говорить лишь о нескольких факультетах, из которых потом вновь был собран Горный институт.

Также нужно отметить, что сам проект университета, созданного в 1920 году, оказался нежизнеспособным: в 1925 году он был упразднен, а оставшиеся факультеты объединили в новый вуз – Уральский политехнический институт (УПИ). Но и это был еще не совсем тот политехнический, который позже назывался УГТУ – УПИ (ныне – УрФУ): в 1930 году УПИ разделили на целых 8 институтов (позже они еще разделились, и число их дошло до 10). И лишь после нового укрупнения (с 1932 по 1934 год) шесть институтов объединились в Уральский индустриальный институт (УИИ), который вновь начал называться Политехническим (УПИ) лишь в 1948 году, а два института в 1932 году объединили в Уральский горный институт, который с 1934 года надолго стал СГИ – Свердловским горным институтом². Начиная с этого времени о Горном уже снова можно говорить, как о самостоятельном вузе, который имел собственные здания, а потом еще и строил новые.

В этом разделе мы расскажем об истории зданий четырех учебных корпусов, а также о здании, в котором расположены Геологический музей института и кафедры теологии.

1-й (главный) учебный корпус УГГУ – бывшая вторая женская Александровская гимназия. Адрес: ул. Куйбышева, 30

Это здание на углу Сибирского проспекта (ныне – ул. Куйбышева) и ул. Тихвинской (сейчас ул. Хохрякова) строилось специально для Второй женской гимназии.

Вторая женская гимназия. Для того чтобы понять, чем была для Екатеринбурга женская гимназия и почему она была «второй», для начала коротко пройдемся по истории женского образования в городе. Первым женским учебным заведением в Екатеринбурге была частная школа – «благородный женский пансион», открытый некой мадам Штикель еще в 1841 году. Были и другие пансионы, все частные: например, в 1844 году пансион открыла «девица Юст, дочь губернского секретаря», но он оказался непопулярен и в 1849-м закрылся «за неимением учениц». Та же участь годом позже, в 1850-м, постигла пансион мадам Николаевой. В 1850-х годах были еще три попытки, которые пред-

приняли девица Бервальд («дочь чиновника»), а также госпожа Вурм и госпожа Ландезен. Все эти попытки тоже не увенчались успехом, но благодаря им была создана почва для открытия городского женского училища, которое и открылось летом 1861 года – на деньги городских благотворителей. И эта попытка оказалась успешной во многом благодаря харизме и энергии первой начальницы – Е. И. Кук. Это училище и было преобразовано в 1874 году в женскую гимназию. О специально для него построенном здании мы уже упоминали – в 1921 году там размещался медицинский факультет Уральского государственного университета, а сейчас это корпус Уральского государственного педагогического университета (ул. Карла Либкнехта, 9/ул. Толмачева, 8).

Вопрос об открытии нового учебного заведения для девочек, который впервые был поднят в городской управе в 1897 году, говорит о том, что к этому времени общественный запрос уже изменился – существующие учебные заведения (а кроме женской гимназии действовали три частных школы) не могли принять всех желающих. В 1903 году новое учебное заведение открылось. Изначально это была четырехклассная прогимназия, которая получила статус Второй женской гимназии в 1908 году. Первое местоположение – второй этаж дома на углу Покровского проспекта и улицы 2-й Береговой (ныне – угол улиц Малышева и Максима Горького) – в том самом доме Полякова, где в декабре 1915 года работала канцелярия Горного института и размещался кабинет Веймарна. В 1906 году это учебное заведение переехало в здание общежития реального училища (ныне – один из учебных корпусов УрФУ по адресу: просп. Ленина, 136). Кроме того, там же у гимназии был собственный пансион, построенный на углу Главного проспекта и ул. Усольцевской (ныне – просп. Ленина – ул. Сакко и Ванцетти), в здании которого была освящена домовая Александрово-Невская церковь (средства на убранство этой церкви выделил известный екатеринбургский купец И. И. Симанов в память об умершем сыне Александре).

Здание для нового училища, строившееся на соединенные средства города и земства по проекту архитектора К. А. Полкова, начало проектироваться в 1909 году и было заложено в 1910-м, а в январе 1913 года сюда уже переехала гимназия, хотя после этого корпусу достраивались еще два года. Это был комплекс в виде буквы «Е», включавший в себя административный и учебный корпус (с внутренними двориками), церковь (которая, кстати, была построена, но так и не освящена) и общежитие. Любопытно, что в отличие от других женских учебных заведений города Вторая женская гимназия была бесплатной³ – поэтому в нее сложно было попасть. В дореволюционном Екатеринбурге гимназистки были

Вторая женская гимназия в начале 1913 года

Вторая женская гимназия после завершения строительства (1915 год)

¹ Продолжение, начало в № 1 (Изв. УГГУ. 2017. Вып.1 (45). С. 109–125).

² Подробнее об этом см. краткий исторический очерк на первых страницах.

³ Примером может служить выписка из протокола заседания педагогического совета от августа 1909 года: «Принимая во внимание тяжелое положение Макаровой, могущее лишить ее дочь возможности продолжать образование, Педагогический совет постановил обратиться с ходатайством к Попечителю Оренбургского Учебного Округа о разрешении принять сверх нормы в число учениц III класса Е. Макарову» (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1).

известны своим хором и театральными постановками. Первой начальницей гимназии была Е. К. Федорова, обладавшая непререкаемым авторитетом как среди учениц, так и в учительской среде. Она умерла 5 января 1917 года, тем самым миновав все потрясения, выпавшие на долю руководства гимназии.

Все изменилось после Февральской революции 1917 года.

Во-первых, изменилось само название гимназии – из Александровской (в честь императора Александра II) она стала «Второй казенной женской гимназией».

Во-вторых, начались проблемы с финансированием – к примеру, нехватка средств даже заставила и. о. начальницы второй женской гимназии М. А. Агафонову, занявшую место Федоровой, обратиться в торговый дом «Братья Степановы» за кредитом в 5 тыс. рублей.

В-третьих, изменилось поведение самих учащихся: события в Петрограде обсуждались на собраниях, и обычные требования преподавателей соблюдать порядок в классах стали восприниматься как попытка нарушения их прав. Уже с марта 1917 года официально был упразднен внеклассный надзор педагогического персонала за учениками. На собраниях старших классов учебных заведений, состоявшемся во Второй женской гимназии, была создана ученическая организация «Цекапос». В каждом учебном заведении выбирались старосты, которые являлись представителями классов в контактах с преподавателями. Сами учащиеся разбились на политические фракции. Во Второй женской гимназии лидером «правого крыла», поддерживающего Временное правительство, была Наталья Аничкова⁴, а «левого крыла» (большевиков) – Римма Юровская⁵.

В-четвертых, с 30 октября 1917 года Вторая женская гимназия перестала быть собственно женской, став смешанной (для мальчиков и девочек). Начальником этой новой гимназии, куда было принято 160 учеников и учениц, стала М. Л. Закожурникова, преподаватель этой гимназии и гласная Екатеринбургской городской думы, а М. А. Агафонова была отстранена от должности исполняющей обязанности начальницы гимназии – «за отказ подчиняться постановлениям Советской власти»⁶.

Также в 1917 году учебные здания в Екатеринбурге использовались для проведения политических мероприятий. Не стала исключением и Вторая женская гимназия, где с 9 по 14 июня проходил Екатеринбургский окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где большую роль сыграли большевики. Кстати, избранный на этом съезде Екатеринбургский окружной комитет Советов рабочих и солдатских депутатов разместился в бывшем доме главного начальника горных заводов Хребта Уральского, о котором мы уже писали ранее.

Любопытно, что в октябре 1917 года посетили это здание и студенты Уральского горного института: 14 октября 1917 года здесь состоялся концерт-бал, посвященный началу занятий в Горном. В нем было концертное отделение (пение г-на Бузаковского с аккомпанементом на скрипке г-на Форкача, выступление артиста драмы г-на Казарского, авторское чтение стихов г-на Макеева и другие номера). После чего студенты последовали в

«буфет» (еда имела важное значение в то непростое время), а в 12.30 (ночи) начались танцы.

Чтобы представить себе атмосферу этого бала, обратимся к воспоминаниям В. П. Аничкова⁷: «В переполненном огромном и высоком зале гимназии едва двигались, тесня друг друга, сотни танцующих пар. Во всей этой тысячной толпе не было ни одного кавалера, одетого во фрак или смокинг, и ни одной дамы в бальном платье. Среди военных френчей, косовороток и пиджаков можно было встретить кавалеров просто в шинелях и даже в валенках. Дамскими костюмами служили форменные гимназические платья, и весь шик заключался в невероятно коротких, иногда выше колен, юбках и прозрачных, как паутина, чулках, что создавало впечатление, будто вы находитесь на балу у босоножек.

Несмотря на внешний вид танцующей массы, несмотря на ужасы переживаемой революции, несмотря на разность политических воззрений, молодёжь танцевала с тем же увлечением, что и я на фешенебельных балах Петербурга в былые времена. Те же лукавые, горящие огнём глазки, тот же румянец ланит, та же неутомимость, тот же смех, те же шутки и всё та же неизменная любовь...

Однако нравы сильно изменились, начиная с юбок выше колен и кончая циничным характером танцев «танго» и «кеквок».

Так, в тоске бродя по коридорам гимназии, я видел много сценок чересчур откровенных. Видел, как парочки входили в тёмные классы или удалялись на время из гимназии и через часик возвращались обратно. Словом, делалось откровенно то, что ранее так тщательно скрывалось. Мне, ещё не старому мужчине, не приходило в голову завидовать этой перемене в тонкостях любви. Эти отношения носили более циничный и менее поэтический характер, чем четверть века назад, когда сближение полов было менее доступно: не существовало тогда тёмных залов кинематографов, не существовало телефонов, на которых по целым часам висит молодёжь...»⁸.

В 1918 году комиссариатом просвещения города были назначены выборы преподавателей училищ и школ, которые многие учителя, не признававшие Советскую власть, решили игнорировать. Выборы состоялись в апреле, причем те учебные заведения, где эти выборы игнорировались, просто закрывали. В гимназии заявки на участие в выборах подали лишь трое преподавателей – Н. П. Младов⁹ (словесность), Е. В. Бушинский (физика и математика), Е. В. Броновская (математика). Им и были переданы имущество и дела гимназии.

После июля 1918 года, когда Екатеринбург был захвачен Чехословацким корпусом, в системе образования произошел «откат» – примерно к позициям после Февральской революции, однако образовательным учреждениям в качестве начальства пришлось сначала иметь дело с Уральским временным правительством, сформированным в Екатеринбурге, а с ноября 1918 года подчиняться Омскому правительству Колчака. В июле 1919 года после победы Красной Армии передел системы образования был продолжен, причем более жесткими методами. В итоге женские учебные заведения вообще перестали существовать.

⁴ Будущая студентка Уральского горного института, дочь В. П. Аничкова, мемуары которого «Екатеринбург–Владивосток (1917–1922)» мы будем цитировать ниже. В 1919 году вместе с отцом уехала сначала во Владивосток, затем эмигрировала.

⁵ Дочь революционера, партийного деятеля и будущего участника расстрела Николая II и его семьи Я. М. Юровского. В будущем стала одним из организаторов молодежного коммунистического движения на Урале, в честь нее в Кировском районе Свердловска была названа улица (ныне – ул. В. Высоцкого).

⁶ До революции руководство гимназии избиралось попечительскими советами.

⁷ Владимир Петрович Аничков – отец Натальи Аничковой, которую мы упоминали выше. В 1917 году был управляющим Екатеринбургским отделением Волжско-Камского банка, одновременно являясь директором-распорядителем Алапаевского горного округа. В 1919 году уехал вслед за войсками Колчака во Владивосток, откуда с семьей эмигрировал сначала в Шанхай, затем в США, где в Сан-Франциско открыл книжный магазин «Русская книга» и основал калифорнийское литературное общество «Труженики пера». Здесь цитируется фрагмент из его книги «Екатеринбург–Владивосток (1917–1922)».

⁸ Скорее всего, тут Аничковым описан не тот самый бал, так как упоминалось, что «если раньше делался один бал на каждое училище в год, то теперь каждый класс устраивал свой собственный бал», однако это описание важно тем, что передает атмосферу ученических балов того времени, а описанный бал проходил в стенах Второй женской гимназии.

⁹ Это был преподаватель, который завоевывал симпатии учащихся политической пропагандой. Незадолго до этого он был уволен, причем девочки из-за его ухода объявили забастовку, из-за чего целый класс (шестой) временно был исключен из гимназии. Кстати, из-за невыплат жалования объявляли забастовки и учителя.

Ситуация усугубилась тем, что многие учебные заведения перемещением Красной Армии были эвакуированы на восток. В городе было огромное количество военных соединений, а также много раненых и больных тифом людей. Повсеместно здания учебных заведений начали использоваться либо под госпитали, либо под войсковые штабы, причем практиковалось это как при Колчаке, так и уже тогда, когда в Екатеринбург снова вернулась Советская власть.

Главный сыпнотифозный госпиталь Екатеринбурга. В конце 1918–начале 1919 года Екатеринбург накрыла эпидемия тифа¹⁰. Существующие больницы не справлялись с количеством пациентов, поэтому многие здания города, в том числе и учебные, стали использоваться как госпитали. О Главном сыпнотифозном госпитале города, под который отдали здание гимназии, мы знаем из воспоминаний К. А. Белобородовой¹¹: «Госпиталь был рассчитан на 500 сыпно-тифозных больных. Все этажи были заняты под больных; полуподвальное помещение этого здания было отведено под общежитие среднего и низшего медперсонала, также там помещались кухня, склады и кочегарка».

Так как врач, возглавлявший госпиталь, вместе с двумя другими врачами перед приходом Красной Армии эвакуировался, Белобородова, которой только исполнился 21 год, осталась за главного врача. Причем эвакуировавшиеся вывезли белье, деньги, продукты, почти все медикаменты, а из персонала остались только три врача (не считая самой Белобородовой), да средний и низший персонал. Сама Белобородова, отказавшаяся бросить больных, сначала едва не была расстреляна «белыми» за отказ от эвакуации, а затем «красными», которые поначалу во всех видели пособников Колчака.

Госпиталь в здании бывшей гимназии просуществовал до 1920 года, когда в связи с образованием Уральского государственного университета здания начали освобождать от госпиталей под учебные цели.

Медицинский факультет Уралуниверситета. Медицинский факультет Уральского государственного университета (Уралуниверситета, или УГУ, такое тогда было принято сокращение) начал занятия в сентябре 1920 года – раньше всех остальных факультетов – и даже раньше официального декрета об открытии университета. Причем на медицинский факультет сразу принимались студенты 1–4 курсов: на первый – обычный прием, а на 2–4 брали «бывших студентов и лекпомов со стажем» – в зависимости от опыта. Количество их было большим – благодаря декрету Совнаркома, который освобождал из армии желающих учиться¹². Медицинский факультет в 1920–1921 учебном году стал самым большим (503 студента) после Рабочего факультета – рабфака (690 студентов). Для сравнения: на геолого-разведочном факультете было 224 студента, на рудничном – 120¹³.

Первым деканом медицинского факультета был член правления Уральского университета известный врач И. Н. Кавалеров¹⁴, который параллельно возглавлял кафедру пропедевтики внутренних болезней и заведовал терапевтико-хирургической клиникой.

К сожалению, этот медицинский факультет не стал базой для создания в Екатеринбурге самостоятельного медицинского вуза: в 1924 году из-за сокращения («ужимания») университета медицинский факультет был переведен в Пермь, где вошел в

состав Пермского университета. А Свердловский медицинский институт (ныне – Уральский государственный медицинский университет) создавался уже в 1931 году.

Считается, что медицинский факультет университета располагался в здании первой женской гимназии (о ней мы уже упоминали, ныне это корпус УрГПУ – Уральского государственного педагогического университета по ул. Карла Либкнехта, 9/ ул. Толмачева, 8), однако это не совсем так. Этот факультет начал работать именно в здании бывшей Второй женской гимназии, а в другое здание переехал вынужденно.

В октябре 1920 года Особая военная комиссия приняла решение отдать здания рабфака и медицинского факультета под госпиталь. Однако вновь госпиталь там открыть не успели: в том же октябре в студенческом общежитии (кроме учебных аудиторий в том же здании размещалось и общежитие) от неосторожного обращения с железной печью сгорела почти вся крыша здания. Вследствие этого было надолго испорчено центральное отопление и сильно пострадал весь верхний этаж, вследствие чего было сорвано развитие факультета, а университет на всю зиму 1920–1921 года потерял это здание.

После ремонта (в том числе силами студентов и преподавателей) в 1921–1922 учебном году здание вновь стало университетским: там открылся Горный факультет, который через годы стал основой для Свердловского горного института. Однако и студенты-медики переехали в здание бывшей первой женской гимназии не полностью: часть занятий по медицине проходила в этом здании вплоть до августа 1924 года, когда факультет полностью был переведен в Пермь.

Горный факультет Уралуниверситета. В начале 1921 года Горный перестал существовать как институт в составе университета. Два факультета бывшего института – рудничный и геолого-разведочный – переименовали в «отделения» и объединили в один горный факультет университета. Этот факультет уже в начале года решено было разместить в здании бывшей Второй женской гимназии, однако фактически это произошло лишь в сентябре, к началу 1921–1922 учебного года – до этого из-за последствий пожара здание было непригодно для использования.

Сохранились воспоминания студента тех лет, впоследствии лауреата Государственной премии, старейшего геолога Урала К. Е. Кожевникова о том, что здание было в плохом состоянии, ему требовался ремонт: «Вместе с нами работал и профессор А. В. Шубников¹⁵. Все делали сами: двери, рамы, перегородки, столы, стулья и т. д.».

Впоследствии Горный факультет стал «гостевым» – т. е. своеобразной «визитной карточкой» всего университета – так, например, в декабре 1922 года его показывали делегации Коминтерна, в августе 1923 года – группе американских сенаторов. Летом того же 1923-го в этом здании выступал с лекцией «Интеллигенция и революция» один из вождей победившего пролетариата А. В. Луначарский.

О вузе Луначарский высказался сдержанно – заметив, что он «цепко утверждает себя в жизни и является полезным элементом нового строительства». На самом деле даже это могло считаться большой похвалой, потому что университет, едва успев сформировать

¹⁰ Например, у К. К. Матвеева в 1919 году от тифа погибли двое детей.

¹¹ Клавдия Андреевна Белобородова (Мышкина) родом из Пермской губернии. Получила диплом Петроградского женского медицинского института в 1915 году. А еще раньше вышла замуж за врача Г. С. Мышкина, мобилизованного в армию, поэтому она иногда упоминается с двойной фамилией: Белобородова-Мышкина. В Екатеринбург она приехала вместе с мужем в 1919 году еще при власти Колчака и стала работать в сыпнотифозном госпитале, а после отступления Белой армии осталась там главврачом, одновременно являясь главврачом Первой городской больницы. Всю жизнь эта семья проработала в медицине Екатеринбурга-Свердловска. К стати, их дочь, Зера Мышкина, стала известным в городе краеведом.

¹² Не только из Красной Армии, но и из сдавшихся частей Белой армии.

¹³ Екатеринбург за 200 лет: сборник. Екатеринбург: Уралкнига, 1923. С. 215.

¹⁴ Иван Николаевич закончил в 1896 году медицинский факультет Московского университета. Стажировался в Париже и Ницце, работал на юге России. Перед приездом в Екатеринбург работал в Москве, где организовал больницу для сыпнотифозных больных. После Екатеринбурга работал в Харькове, Донецке, а с начала 1930-х до середины 1940-х годов – в Горьком (Нижнем Новгороде), основал кафедру гигиены труда и профессиональной патологии и руководил ею до самой смерти в 1946 году.

¹⁵ Алексей Васильевич Шубников – выдающийся кристаллограф, будущий зав. лабораторией кристаллографии АН СССР.

Фото того же здания, сделанное в 1920-х годах

Тоже снимок 1920-х годов, сделанный во дворе здания

роваться, уже начал разваливаться. Постоянное сокращение и «ужимание» факультетов привело к тому, что к 1924–1925 учебному году, после того как медицинский факультет был переведен в Пермь, в университете осталось всего три факультета: горный, химико-металлургический и лесопромышленный. Университет уже «не котировался» и в Москве: яркий пример тому тот факт, что когда после смерти Ленина поступила просьба присвоить вузу имя вождя, то она не была удовлетворена.

В мае 1925 года Уральский государственный университет был упразднен и переименован в Уральский политехнический институт – УПИ.

Горный факультет в составе УПИ. Любопытно, что университет сначала хотели переименовать в Уральский горный институт, сохранились даже документы, где институт именуется Горным, но потом решение было изменено в пользу Политехнического института – скорее всего, потому, что два факультета их трех оставшихся считались техническими. Однако вскоре Горный факультет едва не закрылся – в Главпрофторбе сложилось мнение о такой необходимости в связи с тем, что «в стране уже есть три вуза, в которых готовят инженеров для горной промышленности» (имелись в виду Петроградский горный институт, Московская горная академия и Сибирский технологический институт), причем профессор Беккер из МГА даже бросил: «Зачем Уралу горфак? Там и угля-то нет»¹⁶. Отстоять факультет перед Главпрофторбом удалось лишь к 1926 году, а до этого он «висел на волоске».

Однако уже в 1930 году ситуация изменилась кардинальным образом: на Урале был запланирован промышленный бум, и институты, еще вчера казавшиеся ненужными, начали, наоборот, расширять, в итоге снова был сформирован Уральский горный институт¹⁷.

УПИ–СГИ–УГПА–УГГУ. В марте 1930 года на базе геологоразведочного отделения горного факультета УПИ был создан

Уральский геологоразведочный институт, а рудничное отделение того же факультета было отдано Институту цветных металлов и названо Горным факультетом. В сентябре того же года новое преобразование: из части уже нового горного факультета создан Уральский горный институт угольных и нерудных ископаемых. И, наконец, 5 июня 1932 года этот вуз был объединен с Уральским геологоразведочным институтом в единый Уральский горный институт. Здание бывшей второй женской гимназии стало главным зданием этого вуза, получившего снова самостоятельность.

В январе 1934 года перестала существовать Уральская область, а бывший Екатеринбург, переименованный в Свердловск, стал центром Свердловской области. Из-за этого чередой пошли переименования, которые коснулись и Горного – с 18 декабря 1934 года он надолго стал Свердловским горным институтом.

С тех пор название вуза менялось еще несколько раз: с 1947 года – Свердловский горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1969-го – Свердловский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1991-го – Уральский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева, с 1993-го – Уральская государственная горно-геологическая академия и, наконец, с 2004-го носит свое нынешнее название – Уральский государственный горный университет (УГГУ). И все эти годы в названии вуза всегда было слово «горный», а главным зданием был корпус на ул. Куйбышева, 30.

С начала 1920-х годов в здании были не только учебные аудитории, как сейчас, но и жилье – в основном для преподавателей. До 1980 года в этом здании располагалась институтская библиотека (там, где сейчас находится бухгалтерия). Сейчас в здании кроме ректората и различных служб расположен горно-механический факультет УГГУ.

Нужно отметить, что со времен второй женской гимназии планировка здания изменилась. В 1926 году достроен третий

Главное здание Свердловского горного института (фото 1980-х годов)

Современный вид здания. Фото автора.

¹⁶ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 580.

¹⁷ Подробнее об этом см. краткий исторический очерк в начале статьи.

этаж, сохранились перегородки, которые когда-то были поставлены временно, но так и остались постоянными. В одном пристрое изначально была небольшая церковь, гимнастический зал, аудитория, физический и химический кабинеты, в другом – котловая, архив и различные службы. Кстати: до 1990-х годов одну из лестниц украшало дореволюционное зеркало.

Изменения произошли и на внешнем фасаде здания. На стенах здания можно увидеть мемориальные доски – Н. К. Келлю¹⁸, С. А. Федорову¹⁹, Л. Д. Шевякову²⁰, Н. В. Мельникову²¹, а также мемориальную доску студентам института – Героям Советского Союза²². Рядом со зданием в 1948 году установлен бюст В. В. Вахрушева, имя которого вуз носил с 1947 по 1993 год, а также мемориальный комплекс студентам и сотрудникам Горного института, павшим в боях в годы Великой Отечественной войны, установленный в 1975 году и реконструированный в 2005-м. В 2014 году в честь 100-летнего юбилея со дня основания вуза на фасаде здания к надписи «Горный институт» по бокам добавились цифры: «1914» и «2014».

2-й учебный корпус УГГУ – бывшее здание женского епархиального училища. Адрес: пер. Университетский, 9

Для того, чтобы рассказать историю этого здания, которое часто называют зданием нового епархиального училища, мы сначала расскажем в целом о женском епархиальном училище, имевшем в Екатеринбурге несколько зданий, а потом уже перейдем к истории этого отдельного здания.

Женское епархиальное училище было в Екатеринбурге своеобразной «кузницей кадров» для подготовки учителей церковно-приходских школ, которых в Екатеринбургской епархии²³ к середине 1890-х годов было 117, а к 1900 году уже стало 162. Кроме этого училище выполняло задачи подготовки учительниц церковно-приходных училищ, а также давало духовное образование.

Училище ведет свою историю с 1838 года, когда при Ново-Тихвинском женском монастыре²⁴ была открыта школа-приют. В 1868 году школа была преобразована в четырехклассное епархиальное училище, а в 1880 году получила статус шестиклассного училища. В то время училище называлось Зауральское, с 1886 года – Екатеринбургское женское епархиальное училище. Принимались туда девочки не моложе 9 лет, окончившие церковно-приходские школы. Обучение было платным, однако дочерям

священнослужителей обучение полностью или частично оплачивалось за счет епархии, поэтому девочек из других сословий здесь училось мало: родителям таких учениц, которые назывались «своекоштными», приходилось полностью оплачивать и обучение, и проживание в пансионе. Училище находилось в ведении Священного синода и духовного комитета при нем, преподавание подчинялось требованиям устава. Преподаватели из числа светских лиц появились там лишь в начале XX века²⁵, когда программы епархиальных училищ стали сближаться с программами светских учебных заведений. Первой начальницей училища (до 1890 года) была игуменья Магдалина (в миру – М. А. Неустроева). А последней начальницей (с 1903 по 1918 год) была выпускница Казанского Родионовского института благородных девиц В. В. Рогинская.

До получения статуса училища это учебное заведение располагалось в стенах Ново-Тихвинского монастыря, а в 1880 году получило собственное здание, которое сейчас принято называть старым епархиальным училищем. В нем были устроены не только кабинеты для рисования, рукоделия и музыки, но и, например, кабинет физики, где имелись приборы для лабораторных занятий. Здание располагалось в начальном квартале Александровского проспекта (ныне – ул. Декабристов). Позже – в 1952–1953 гг. – оно было значительно перестроено по проекту архитектора С. А. Васильева. Сейчас в нем находится Екатеринбургский монтажный колледж, современный адрес: ул. Декабристов, 83.

Помимо учебного здания училище имело собственное общежитие – пансион епархиального училища, располагавшийся в двухэтажном здании на углу Александровского проспекта (ныне – ул. Декабристов) и Щепной площади (ныне – пер. Университетский). Это здание было построено в 1897 году как детский приют Ново-Тихвинского монастыря. В 1920 году здесь разместили правление Уральского государственного университета и инженерно-лесной факультет. Позже здесь обосновался техникум пищевой промышленности, ныне – Екатеринбургский экономико-технологический колледж. Современный адрес здания: ул. Декабристов, 58.

Финансировалось епархиальное училище за счет Екатеринбургской епархии при участии Пермской епархии, взносов от отдельных церквей и Екатеринбургского земства. Проблемы с финансированием начались во время Первой мировой войны,

Новое женское епархиальное училище (1917 год)

Химико-металлургический факультет УПИ в здании бывшего епархиального училища (начало 1930-х годов)

¹⁸ «Здесь в 1917–1921 гг. работал член-корреспондент Академии наук СССР профессор Келль Николай Георгиевич – один из организаторов института и кафедры геодезии».

¹⁹ «Здесь в 1933–1967 гг. работал профессор, доктор технических наук Федоров Сергей Алексеевич – ведущий учёный в области строительства шахт, заведующий кафедрой шахтного строительства».

²⁰ «Здесь в 1932–1944 гг. работал академик Академии наук СССР Шевяков Лев Дмитриевич – основатель аналитических методов в горном деле».

²¹ «Академик Николай Васильевич Мельников (1909–1980) – выдающийся учёный и организатор науки и промышленности, Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий СССР, выпускник Свердловского горного института 1933 года».

²² «Студенты Свердловского горного института, участники Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза: Богданов Пётр Антонович, Крутошинский Андрей Михайлович, Кудрявицкий Давид Абрамович, Опрокиднев Борис Константинович, Якимов Алексей Петрович».

²³ Самостоятельная Екатеринбургская епархия, выделенная из Пермской епархии, была учреждена в 1885 году. В нее входили Екатеринбургский, Верхотурский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды.

²⁴ О самом Ново-Тихвинском монастыре мы расскажем отдельно далее, когда речь пойдет об общежитиях Горного.

²⁵ Например, с 1907 по 1913 год в этом училище преподавал церковнославянский язык, русский язык и основы алгебры П. П. Бажов – будущий известный уральский писатель. А его жена Валентина Александровна (в девичестве Иваницкая) была из числа его учениц, он сделал ей предложение на выпускном вечере.

из-за чего в 1915 году число учениц снизилось на треть, а в 1916 году те ученицы, которые учились за казенный счет, лишились поддержки государства. Однако, несмотря на последовавшие две революции 1917 года и смены власти в 1918 и 1919 годах, занятия хотя временами прерывались²⁶, но окончательно были прекращены лишь весной 1920 года.

Новое епархиальное училище, в котором сейчас расположен 2-й учебный корпус УГГУ, поначалу называлось так лишь в просторечье – потому что это было новое здание, построенное для епархиального училища: в то время еще не начались потрясения, связанные сначала с мировой войной, а затем революциями, и епархиальному училищу нужно было расширяться. Это просторечное название «прижилось» и используется в различной литературе до сих пор. Весь дальнейший наш рассказ будет уже о нем.

Первый камень в основание нового здания епархиального училища был положен 30 мая 1913 года преосвященным Митрофаном, сотворившим молебен по случаю закладки этого камня. Место для строительства в квартале улиц Уктусской (ныне 8 Марта), Монастырской (Народной Воли) и Александровского проспекта (ул. Декабристов) Екатеринбургская епархия купила у Ново-Тихвинского женского монастыря за 100 тысяч рублей. Строилось оно с 1913 по 1916 год по проекту архитекторов Станилевича и Полкова²⁷. Это было кирпичное трехэтажное здание с полуподвалом, освящение и открытие которого состоялось 10 января 1917 года. На втором этаже (слева от лестницы) находилась церковь²⁸, вмещавшая до 700 молящихся. Третий этаж был жилым: там находились спальни для учениц.

Такое было время, что здание начали использовать не для тех целей, для которых его строили, почти сразу. Так, есть упоминания о том, что уже весной 1917 года девочек-учениц потеснили, разместив в нем госпиталь²⁹. А с 17 июля по 2 августа того же года в большом зале училища заседал 2-й Уральский областной съезд Советов³⁰. Весной 1918 года в здании училища разместили переехавшую из Петрограда академию Генштаба.

Академия Генерального штаба. В современных источниках эту академию обычно называют Николаевской академией Генерального штаба (чтобы не путать с созданной позже академией РККА), однако в 1918 году, после двух революций, она называлась просто академией Генерального штаба и была на тот момент единственной в стране.

Это высшее военное учебное заведение было основано 26 ноября 1832 года на базе расквартированного в Москве, затем в Петербурге училища колонновожатых, существовавшего с 1810 года. Из выпускников формировался корпус офицеров Генерального штаба (центральный орган военного управления государства) чином не ниже поручика. Обучение там считалось почетным и приравнивалось к особому отличию, а выпускники занимали высокие военные должности – например, в годы Первой мировой войны из числа выпускников академии были почти все командующие фронтами и армиями. То есть, по сути, это была «кузница» будущих высших военных начальников страны. Официальные названия до 1917 года: при создании – Императорская военная академия, с 1855 – Николаевская академия генерального штаба (в честь императора Николая I), с 1909 – Императорская Николаевская военная академия.

По итогам Гражданской войны эту академию принято считать «белой» («белогвардейской»), однако в начале 1918 года она

таковой не была. В ней, безусловно, были люди как среди преподавателей, так и среди курсантов, настроенные против Советской власти, однако она в 1917–1918 годах продолжала работать в уже советском Петрограде и была эвакуирована в советский Екатеринбург – по приказу одного из советских же лидеров Л. Д. Троцкого. Причины перевода указываются разные: от голода и разрухи, которые в то время начались в столице, до опасности прорыва фронта. Скорее всего, Троцкий, зная о том, что в академии много противников Советской власти, просто решил отправить ее в глубокий тыл, подальше от столицы, не предполагая в то время, что на Урале начнется Гражданская война. Один из преподавателей этой академии Михаил Иностранцев, оставивший воспоминания об этом периоде, писал, что в начале 1918 года в Петрограде состоялась конференция академии, делегаты которой высказывались за перевод ее в какой-нибудь южный город, однако Троцкий, звавший о том, что юг – оплот белых сил, ответил начальнику академии полковнику (позже – генерал-майору) А. И. Андогскому: «Мы не так просты и наивны полковник, как думает ваша конференция. Академия будет и должна служить нам и никому другому (...) ... я намерен предложить эвакуировать Академию на восток, например, в Екатеринбург». Так, в марте 1918 года было принято решение о передислокации академии в столицу Урала.

Здание епархиального училища в Екатеринбурге для академии было выбрано не случайно: место это в то время считалось удаленным от центра города, позволяло все занятия проводить автономно – в общем, оказалось идеальным для властей, которым было приказано «присматривать» за потенциально неблагонадежными гостями. По крайней мере именно установленной за ними слежкой офицеры, перешедшие позже на сторону «белых», оправдывали свою пассивность в отношении расстрела семьи Николая II, который произошел как раз в то время, когда академия была в Екатеринбурге. При этом сам город гостям, приехавшим из растерзанного революциями Петрограда, понравился³¹.

В июле 1918 года, когда стала явной угроза захвата Екатеринбурга Чехословацким корпусом, часть преподавателей и курсантов (в основном старшекурсников), несмотря на угрозу расстрела, сумели остаться в Екатеринбурге и с восторгом встретили новую власть, однако основной состав академии был эвакуирован Советской властью в Казань. И только с падением советской Казани, которая была захвачена частями Народной армии под командованием В. О. Каппеля³² настолько быстро, что эвакуация «красных» была больше похожа на паническое бегство, слушатели академии смогли разбежаться или перейти на сторону «белых». Позже академия, доставшаяся «белым» со всеми документами, материальной и научной базой, продолжила работу, сначала эвакуировавшись в уже «белый» Екатеринбург, потом Томск, Омск, и, наконец, во Владивосток. Последний выпуск академии состоялся в 1921 году на острове Русский. При этом не нужно считать, что все преподаватели и курсанты академии сражались на стороне «белых». Среди них было немало и тех, кто пришли служить «военспецами» в Красную Армию, причем в то время было не редкостью, когда тот или иной офицер успевал «отметиться» и среди «красных», и среди «белых», что, порой, было просто делом случая: таковы особенности Гражданской войны.

Часть слушателей и преподавателей академии из числа эвакуированных в Казань в августе 1918 года встретились с товари-

²⁶ Декретом Совнаркома от 11 декабря 1917 года епархиальные училища были ликвидированы, а их имущество стало «достоянием народа», однако смена власти в июле 1918 года еще продлила жизнь училища.

²⁷ К. А. Полков – архитектор здания второй женской гимназии, о котором мы уже писали ранее.

²⁸ Об этой церкви мы подробнее расскажем далее.

²⁹ Ефремова У. П., Попов М. В. Епархиальное женское училище и подготовка учительских кадров в Екатеринбурге (1880–1920-е гг.) // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 17.

³⁰ Филатов В. В. «Быть по сему!». Екатеринбург, 2014. С. 646.

³¹ Иностранцев пишет: «Это был хотя и провинциальный, но чисто русский город и притом довольно благоустроенный».

³² Один из руководителей белого движения на востоке России. В указанный период – полковник, позже – генерал-лейтенант. Умер в 1920 году от воспаления легких во время Великого Сибирского Ледяного похода.

щами, сумевшими остаться в Екатеринбурге. По этому поводу в церкви епархиального училища был заказан «благодарственный молебен по случаю избавления Академии от большевиков».

В целом же в истории про академию Генштаба осталось рассказать о преимуществах. В то время, когда на востоке России белые силы сумели воссоздать Николаевскую академию генерального штаба, на западе по инициативе Ленина (в противовес) была создана академия РККА, которая в 1921 году была реорганизована и переименована в академию им. М. В. Фрунзе, таким образом, с 1918 по 1921 год существовали две военные академии – боевой академии Николаевская и Рабоче-крестьянской Красной Армии. Однако академия РККА, успешно готовившая кадры звена полк–дивизия, так и не сумела наладить производство кадров для высшего командного звена, поэтому в 1936 году было принято решение создать новое учебное заведение – академию Генерального штаба РККА, которая носила имя К. Е. Ворошилова, подписавшего приказ о ее создании. Однако после распада СССР историю современной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации приказом Министра обороны В. В. Квашнина от 1997 года принято считать не с 1936-го, а с 1832 года, когда была создана Императорская (позже – Николаевская) военная академия.

Эвакогоспиталь № 230. После возвращения в Екатеринбург Советской власти в июле 1919 года здание бывшего епархиального училища было отдано под эвакогоспиталь, о котором нам известно только то, что он был «свободным»³³.

Гораздо драматичнее сложилась судьба здания год спустя, когда там решено было создать концентрационный лагерь, и лишь личное вмешательство Ленина помогло отстоять бывшее епархиальное училище для студентов.

Екатеринбургский концентрационный лагерь № 1. В 1920 году, когда в Екатеринбурге открывался Уральский государственный университет, ему стали передаваться здания (общим числом 27³⁴), в основном ранее занимаемые под госпитали, в том числе и бывшее здание нового епархиального училища. Однако в октябре 1920 года, когда уже в здании разместились правление университета, Особая военная комиссия приняла решение о занятии одного этажа под казармы батальона 36-го пехотного полка и двух этажей нового епархиального училища под концентрационный лагерь. И концентрационный лагерь был открыт, но один этаж здания остался за университетом – такое вот соседство.

Указ о создании концлагерей был принят советским правительством еще в 1918 году, однако на Урале создание таких лагерей стало особенно важным начиная с 1919 года, после отступления на восток войск Колчака. Екатеринбургский концлагерь № 1 был особым³⁵ – в нем (а также в Нижнетуринском исправительном рабочем доме) содержались исключительно бывшие белые офицеры, некоторые из которых по иронии судьбы в этом же здании были слушателями военной академии.

Сохранилось неотправленное письмо жене содержавшегося там бывшего Камышловского воинского главы Н. В. Шевякова, вскоре расстрелянного, который пишет: «Жить в числе 100 человек не особенно удобно, живу впроголодь»³⁶. Часто все питание заключенных состояло только из воды и кипятка.

Для того чтобы освободить здание для учебных целей, правление университета обращалось сначала к наркому просвещения А. В. Луначарскому, затем в Реввоенсовет, а когда это не дало ре-

зультатов – к В. И. Ленину. 10 ноября 1920 года Ленин направил в Екатеринбург телеграмму: «Предлагаю немедленно освободить занятые здания³⁷ университета. Никаких зданий не занимать впредь без указаний Центркомквоткома. Предсовнарком Ленин». Однако Совтрударм, председателем которого был Л. Д. Троцкий, даже после этой телеграммы не спешил освобождать занятое под концлагерь здание, и тогда 17 декабря 1920 года от Ленина последовала вторая телеграмма, еще более жесткая: «Приказываю немедленно освободить отведенное помещение Уральскому университету и предписываю впредь не нарушать самовольно работу университета, с предупреждением о передании суду виновных. Председатель Совнарком Ленин»³⁸. После такой телеграммы уже на следующий день здание было освобождено.

Осталось лишь упомянуть, что всего за два с половиной месяца (с октября по декабрь), когда три этажа использовались под казармы и концлагерь, здание пришло почти в полную негодность. Сохранился отчет о деятельности хозяйственно-административной части университета за ноябрь–декабрь 1920 года, где отмечается, что «была полностью сорвана вся электрическая проводка, совершенно испорчены все уборные и т. д. – почти на одну четверть аршина от пола заполнены экскрементами не только помещения уборных, но и прилегающие к ним комнаты. Совершенно засорен экскрементами и испорчен навсегда колодец, обслуживающий водоем все здание. Экскрементами также покрыта вся часть двора, прилегающая к заднему выходу из здания. Даже часть чердака была превращена в уборную»³⁹.

Нетрудно себе представить, каких трудов потом стоило университету привести это здание в порядок (в частности, 29 декабря 1920 года был объявлен общеуниверситетский субботник по уборке здания).

Химико-металлургический факультет. Помимо того что бывшее здание нового епархиального училища стало главным административным корпусом университета (а с 1925 года после расформирования университета главным зданием УПИ), в нем с 1921 года располагался химико-металлургический факультет.

Еще летом 1920 года Горный был разделен на два института – собственно Горный и Политехнический (УПИ), которые вошли в состав университета именно как институты. Причем металлургический факультет относился к Горному институту, а химический – к Политехническому. Однако к началу 1921 года деление на институты внутри университета было отменено, а факультеты укрупнили. Так был образован химико-металлургический факультет, который работал сначала в составе университета, затем в составе УПИ. В этот период тоже случались беды. Например, 26 ноября 1925 года во втором часу ночи загорелся чердак, а пожарные больше часа наблюдали, как он горит, опасаясь «ядовитых газов», только после этого начали тушение. Почти полностью сгорела крыша с пирамидальным церковным куполом, и при ремонте его заменили полусферическим. Пострадала лаборатория качественного анализа, и прогорел потолок чертежного зала, который после ремонта разделили на два этажа. Занятия, впрочем, из-за пожара были прерваны всего на один день.

Химико-металлургический факультет размещался в этом здании до 1932 года, пока вместе со всем Политехническим институтом не переехал в новый Втузгоророк.

УГИ–СГИ–УГГА–УГГУ. В 1932 году здание было передано Уральскому (с 1934 года – Свердловскому) горному институту.

³³ Главадский М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 176.

³⁴ Там же. С. 180.

³⁵ Не путать с Екатеринбургским губернским концлагерем № 1, располагавшимся в кирпичных сараях за станцией Екатеринбург I, где осужденные привлекались к трудовой повинности.

³⁶ Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе: проблемы и перспективы // Материалы II межрегион. науч.-практ. конф. (7 апр. 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. С. 79–85.

³⁷ Кроме бывшего здания нового епархиального училища не были освобождены и другие здания, например здание рабфака было отдано под госпиталь.

³⁸ Главадский М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. С. 183.

³⁹ Там же. С. 184.

2-й корпус Свердловского горного института (фото 1980-х годов)

Современный 2-й корпус УГГУ. Фото автора.

Монтаж купола церкви Екатерины Великомученицы (2014 год)

Вид учебного корпуса после монтажа купола церкви (2014 год)

Однако еще раз в истории здания был период, когда оно использовалось для других целей – в годы Великой Отечественной войны там, как и во многих других зданиях города, размещался госпиталь. На здании установлена памятная доска с надписью: «В этом здании в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов размещался госпиталь № 1706 для раненых воинов Советской⁴⁰ Армии».

Госпиталь № 1706 работал с 3 июля 1941 по 1 июня 1944 года, причем размещался в двух зданиях: 2-м корпусе Горного института и в общежитии парткурсов (просп. Ленина, 42, ныне на месте этого здания построена гостиница «Евразия»). Профиль госпиталя: общехирургический, глазной, полостной, ортопедический. Вместимость – от 600 до 1500 коек. Начальники: А. И. Гарунов, Я. В. Кауфман. Известно, что особо тяжелых больных в этом госпитале было мало, за 4 года его работы число умерших – 26 человек.

Сейчас это 2-й учебный корпус УГГУ, где размещаются Институт дополнительного профессионального образования (ИДПО), Управление международной деятельности (УМД), а также горно-технологический факультет (ГТФ), считающийся ровесником вуза, и факультет гражданской защиты (ФГЗ).

Помимо уже упомянутой памятной таблички о госпитале времен Великой Отечественной войны, на здании установлена еще одна мемориальная доска – герою Советского Союза В. М. Крутошинскому⁴¹.

Осталось рассказать о церкви, которая была внутри здания. Это был **храм Екатерины Великомученицы**, имевший статус придомового. Любопытно, что эта церковь, освященная в январе 1917 года, оказалась последним открывшимся храмом в дореволюционном Екатеринбурге. Когда в 1920 году здание передали университету, то иконостас убрали, а бывшее церковное помещение расчленили перегородками на кабинеты и аудитории, а росписи забелили известкой. Сам купол сгорел в 1925 году – тогда его заменили полусферическим. В 2003 году в этом помещении проходил ремонт, и рабочие за слоями известки обнаружили росписи. В 2014 году, к столетию со дня основания Горного института, купол церкви был восстановлен на средства УГГУ.

3-й учебный корпус УГГУ. Адрес: ул. Хохрякова, 85/ул. Куйбышева, 39

Этот учебный корпус представляет собой комплекс, состоящий из трех зданий: собственно учебного корпуса, расположенного на ул. Хохрякова, 85, а также храма Святителя Николая Чудотворца при УГГУ и Уральского геологического музея (Куйбышева, 39). Корпуса соединены между собой внутренними переходами. Исторически самое старое здание – это храм, затем было построено здание музея и в последнюю очередь – учебный корпус, поэтому и рассказывать о них мы будем именно в этой последовательности.

Храм Святителя Николая Чудотворца при УГГУ и кафедра теологии. Это реконструированное здание в дореволюционном Екатеринбурге было известно как Никольская церковь при Нуровском приюте, который в советское время был снесен.

Нуровский приют, который также часто называют приютом купца М. А. Нурова, – это был комплекс зданий, занимавший примерно ту же территорию, что сейчас занимает комплекс 3-го корпуса УГГУ.

Михаил Ананьевич Нуров, несмотря на то что официально имел гражданский чин коллежского советника, действительно был купцом 1-й гильдии. Нуровы были известными сальниками, то есть занимались салотопенным производством – сало использовалось для производства свеч, мыла, для нужд аптек и суконных фабрик. Этим бизнесом он, рано потерявший родителей, начал управлять уже в 17 лет. В Екатеринбурге Нуров был не только известным купцом-мecenатом, но и дважды избирался в качестве городского головы, был почетным гражданином города. Его именем называли не только приют, для которого он купил помещение и содержал за свой счет, но и сквер на ул. Пушкинской (ныне это ул. Пушкина, а сквер не сохранился – на его месте стоит Главпочтамт). Любопытно, что при этом человек он был весьма тщеславный, за что однажды поплатился: В. И. Немирович-Данченко, известный в то время не только как драматург, но и весьма язвительный журналист, будучи проездом в Екатеринбурге, высмеял в своей статье его дом на улице Архиперейской

⁴⁰ Правильнее было бы написать "Красной Армии" (Советской Армией она стала называться с 1946 года), но так написано на табличке.

⁴¹ «Здесь учился с 1935 г. по 1941 г. Герой Советского Союза Крутошинский Андрей Михайлович (5. I. 1918–9. IX. 1944), отдавший жизнь за Родину в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны».

Нуровский приют (начало XX века)

(дом не сохранился, а улица сейчас носит имя Чапаева), ворота которого были украшены персидским орденом Льва и Солнца. Нуров действительно имел такой орден, вот только было известно, что он просто купил его за деньги.

Здание для приюта на углу ул. Тихвинской (ныне ул. Хохрякова) и Сибирского проспекта (ныне ул. Куйбышева) было куплено на пожертвованные Нуровым 15 000 рублей. Приют был открыт «с соизволения императрицы Марии Александровны» 23 апреля 1857 года и по предложению Горного начальника Уральских заводов В. А. Глинка его официально назвали «Нуровским». Это было двухэтажное здание, способное вместить 65 детей. Дети там не только жили, но и обучались – Закону Божьему, священной истории, чтению, письму, арифметике. Также детям давали навыки ведения домашнего хозяйства: дети здесь обрабатывали огород и ухаживали за небольшим садом. В 1867 году при приюте открылась «ночлежка» – ночлежное отделение для сирот и детей беднейших родителей.

В 1870 году, опять же по инициативе Нурова, при приюте был открыт ремесленный класс, где детей, по преимуществу девочек, стали обучать рукоделию: шитью, вышиванию, плетению, вязанию, а для мальчиков был приглашен мастер обучения башмачному и сапожному ремеслу. Лучшие детские работы в 1899 году представлялись на выставке в столице. А в 1901 году приют получил еще и 16,7 десятин земли в Березовской горнозаводской даче, где детей обучали полевым работам, а также куроводству, птицеводству и молочному хозяйству. Таким образом, по окончании приюта каждый из его воспитанников имел хорошую профессию. Принимались туда дети «обоего пола» и всех сословий. Мальчики могли там жить до 12 лет, девочки – «до более зрелого возраста». Денег за содержание и учение с сирот не взималось, однако родители могли устроить детям «пансион» за плату 48 рублей в год, либо отправить туда ребенка учиться без проживания – за 20 рублей в год⁴².

Самый известный из директоров Нуровского приюта – А. А. Миславский – врач, имя которого носит сейчас 2-я городская боль-

Вид на Никольскую церковь при Нуровском приюте (начало XX века)

ница Верх-Исетского района Екатеринбурга. Миславский, занимавший должность директора до 1907 года, открыл при приюте небольшую больницу. После смерти Нурова (в 1880 году) приют состоял в ведении екатеринбургского горного попечительства.

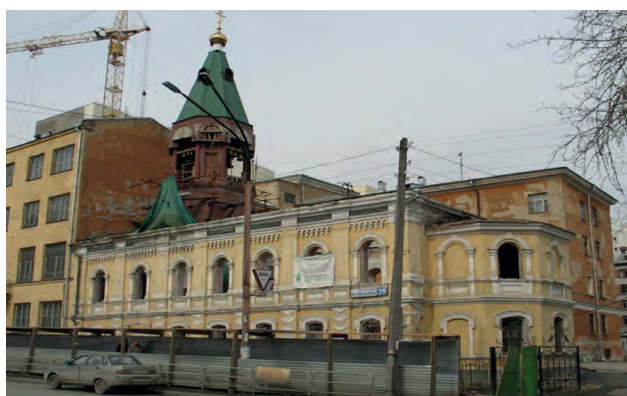
Однако чтобы не складывалось впечатление, что все в этом приюте было благостно и идеально, приведем воспоминания о нем П. П. Бажова:

«Из зданий, выходящих на Щепную площадь, заметил тогда лишь Нуровский приют, двухэтажное каменное здание на том месте, где ныне выстроено здание геологического музея. При доме, как водилось для учреждений такого порядка, была домовая церковушка. Было бы где призреваемым помолиться за «благодетеля». Мне потом случалось много раз проходить мимо приюта приблизительно в одни и те же часы, и я неизменно слышал одну и ту же песенку:

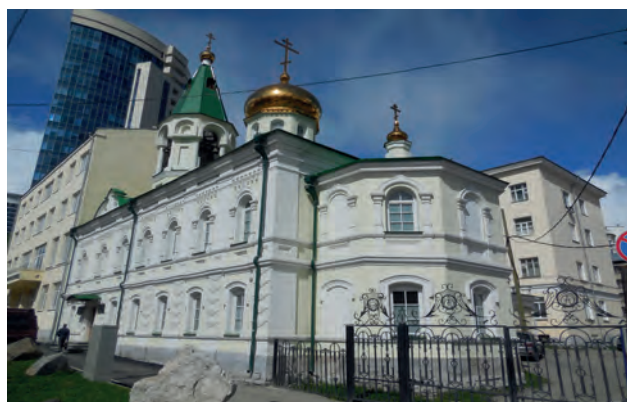
Клубок катится,
нитка тянется...
Клубок дале, дале,
нитка доле, доле...

Через окно было видно: в большой комнате сидит человек сорок девочек в платьишках серо-грязного цвета, ковыряются над большими полосами белой материи и без конца тянут свою тоскливую песенку. Это запомнилось на всю жизнь, как самое унылое. И хотя я тогда был еще в поре мальчишеского презрения к девочкам, этих нуровских приюток мне было жаль».

Никольская церковь при Нуровском приюте (официальное название – церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, также в документах встречается ее наименование как градо-Екатеринбургской Николаевской) была построена позже, когда приют начал расширяться (по сути, это был пристрой к основному зданию), она была освящена 3 февраля 1877 года. По статусу это была так называемая «домовая церковь», поэтому помещение использовалось не только для служб: «в пристроенном к зданию каменном двухэтажном флигеле в нижнем этаже отделение для пансионеров, верх занят церковью, устроенной иждивением учредителя».

Восстановление храма (начало XXI века)

Современный вид на храм Святителя Николая Чудотворца при УГГУ. Фото автора.

⁴² Уральский край. 1907. 29 апреля.

При церкви служили священник, дьякон и церковный староста, а также в ее штате были сторож, звонарь и караульный. Известно, что в июне 1902 года в этой церкви были подняты новые кресты.

После установления в Екатеринбурге Советской власти приют продолжал работать. В январе 1920 года его в числе десяти других екатеринбургских детских приютов переименовали – он начал называться Дом Свободы⁴³. Тогда же закрыли Никольскую церковь и сняли с нее колокола. А в январе 1924 года все городские детские дома «в целях разгрузки и освобождения жилой площади города были переведены в Ирбит⁴⁴».

Жилая площадь, освобожденная от сирот, была передана Уральскому отделению Геологического Комитета. В советское время там был проектный маркшейдерский институт, и лишь потом здание перешло Свердловскому горному институту (там располагалась бухгалтерия).

В 2003 году в УГГУ было принято решение восстановить здание церкви, первоначальное название которой было Свято-Николаевская церковь – Храм горячков России. В 2006 году состоялась освящение колоколов этого храма, в 2009 году было завершено его внешнее убранство, а в 2010 году там крестился первая группа студентов. Официальное завершение реконструкции, согласно табличке⁴⁵ на здании, произошло в 2011 году. Сейчас здание, как когда-то и в Нуровском приюте, имеет двойное назначение: в нем работает действующий храм Святого Николая Чудотворца при УГГУ (официальное название – приход во имя святого Николая Мир Ликийских (Николая Мирликийского) Чудотворца, относящийся к Екатеринбургской Епархии Русской Православной Церкви), у которого даже есть собственный сайт⁴⁶, а также кафедра геологии УГГУ, где проходит учебные занятия студентов.

Уральский геологический музей начинался с временной научно-производственной геологической выставки, которую после начала работы решено было сделать постоянной. Дата открытия этой выставки – 2 августа 1937 года – считается днем открытия Уральского геологического музея. К 80-летию этого музея, которое празднуется в 2017 году, ему посвящены отдельные публикации, поэтому здесь о нем мы расскажем коротко. И начнем с рассказа об Уральском отделении геологического комитета, так как здание будущего музея строилось для этого комитета.

Уральское отделение геологического комитета. Геологический комитет (Геолком) был образован еще в Российской империи – в 1882 году указом императора Александра III и располагался в Петер-

бурге. После революции, в марте 1918 года, он был передан в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), а в 1923 году были созданы шесть отделений этого комитета, в том числе Уральское.

На какой базе создавалось Уральское отделение? До революции на Урале существовало Уральское Горное Управление, но должность геолога в его штате появилась лишь в 1904 году. Ситуация осложнялась тем, что каждый частный округ Урала был чьей-то вотчиной, геологическое исследование которой зависело от воли (и финансов) владельцев этой вотчины, а результаты картирования зачастую могли быть либо фальсифицированы (для спекулятивных целей), либо быть засекреченными. В итоге Урал оставался очень слабо картированным, т. е. на государственном уровне картирование началось уже только при Советской власти.

В 1920 году был создан Уральский геологический комитет⁴⁷. А в 1923 году на базе комитета Уральского отделения Центрального управления промышленных разведок (ЦУПР) организуется бюро геологического комитета, которое вскоре переименовали в Уральское отделение геологического комитета.

Начало работы Уральского отделения Геолкома было трудным. По свидетельству технического руководителя Уралгортреста П. А. Гирбасова⁴⁸, «примерно с 1923 года на Урале было создано неработоспособное Уральское отделение Геолкома. Работа тормозилась отсутствием кадров». Однако к 1925–1926 годам начинается «новая эра в деле геологического картирования Урала. Все геологические съемки Урала были подчинены единому плану картирования в масштабе 1:200 000⁴⁹».

В 1930 году управление преобразовывается в Уральский геологический трест (Уралгеотрест), в 1931 году – в Уральское геологическое управление. Ныне это Региональное агентство по недропользованию по УрФО (Уралнедра).

Как мы уже упоминали, когда в 1924 году детский приют под названием Дом Свободы был переведен в Ирбит, комплекс зданий этого приюта достался Уральскому отделению Геологического комитета. Штаты этого отделения быстро росли, и к октябрю 1928 года встал вопрос о строительстве нового здания. К 1930 году для этого комитета (уже носившего название Уралгеотрест) было построено на месте снесенного приюта новое здание – четырехэтажный куб с балконом полезной площадью 1500 м², рядом с которым осталось здание бывшей приютской церкви. Однако в конце 1936 года геологи (уже Уральское геологическое управление) переехали в новое здание на углу улиц Вайнера и Куйбышева (Куйбышева,

Бывшее здание Геолкома, предоставленное для проведения научно-производственной геологической выставки (1937 год)

Делегаты Международного геологического конгресса после посещения выставки (1937 год, фото сделано во дворе здания)

⁴³ Уральский рабочий. 1920. 29 января.

⁴⁴ Уральский рабочий. 1924. 3 января.

⁴⁵ Текст памятной таблички: «Памятник архитектуры XIX века. Приют купца Нурова М. А. Восстановлен в 2011 году силами более 3,5 тысяч студентов, выпускников и друзей Горного университета».

⁴⁶ URL: <http://nikolahram.com>

⁴⁷ Подробнее об этом см. От Уральского горного комитета – к Региональному агентству по недропользованию по Уральскому федеральному округу (1920–2005). Екатеринбург. Уралнедра, 2005.

⁴⁸ Петр Афанасьевич Гирбасов в марте 1930 года был арестован по делу Уральского инженерного центра Промпартии. Умер в 1940 году в заключении. Сохранились протоколы его допросов, выдержки из которых здесь используются.

⁴⁹ Филатов В. В. История создания Уральского геологического музея. Екатеринбург, 1998. С. 8.

55), и здание было передано на баланс института «Уралгеомир». Как раз в это время оно было выбрано для проведения научно-производственной геологической выставки.

Научно-производственная геологическая выставка. Эта выставка, положившая начало Уральскому геологическому музею, своему созданию обязана Международному геологическому конгрессу, XVII сессия которого в 1937 году проходила в Москве.

Этот конгресс с 1878 года проходит в разных странах, причем Россия этой чести удостоилась лишь однажды – в 1897 году. Поэтому, когда в 1934 году на XVI сессии, которая проходила в Вашингтоне, советской делегации удалось договориться о проведении следующего форума в столице СССР, его подготовка стала вопросом международного престижа страны. В оргкомитете по проведению конгресса, который начал работать уже в 1934 году, для гостей запланировали геологические экскурсии по всей стране, из которых три (а в итоге даже четыре) должны были пройти по Уралу: одна до сессии и три после нее. А геологическая выставка в Свердловске, по замыслу организаторов, должна была стать ключевым пунктом этих экскурсий.

Организовать в Свердловске геологическую выставку поручили Уральскому Дому Техники⁵⁰, поэтому председателем оргкомитета выставки стал директор Дома Техники Ф. П. Барсуков, а потом сменивший его на этой должности П. И. Грамолин.

В нашу задачу не входит подробное описание подготовки этой выставки, поэтому упомянем лишь, что в ней участвовали многие геологи, в том числе известные и за пределами Урала. Стоит упомянуть, что выставка создавалась в очень трудное и страшное время, когда в стране шла полным ходом борьба с «врагами народа». Нашлись такие и среди организаторов выставки: это, собственно, председатель оргкомитета Ф. П. Барсуков⁵¹, геологи Б. В. Дидковский⁵² и Н. А. Ушаков⁵³, также в период подготовки выставки был арестован директор Горного института И. П. Скорodelов⁵⁴. К слову, в тот же период – в мае 1937 года был арестован первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков⁵⁵.

Конечно, принимали активное участие в проведении вы-

ставки и преподаватели Горного института: например, общегеологическим отделом выставки занимался М. О. Клер⁵⁶, а минералогическим – К. К. Матвеев. Оба уже упоминались нами, однако здесь снова хочется особо отметить Константина Константиновича Матвеева, который, как и в начале 1920-х годов, когда боролся за независимость Горного, снова проявил характер и недюжинную смелость. Он согласился включить в число экспонатов выставки коллекции учебно-научного музея Горного института (многие из которых собирал лично) только в том случае, если будут предоставлены гарантии их возврата в Горный после проведения выставки. И ему удалось настоять на своем.

Также стоит упомянуть, что для будущего музея очень много сделал известный уральский знаток камня и коллекционер А. В. Калутин.

Несмотря на все трудности, выставка открылась в срок, и ее по достоинству оценили и отечественные геологи, и коллеги из Франции, США, Китая, Англии, Италии, Индии и др. Сохранились, к примеру, такие отзывы о ней: «Выставка является памятником способностям уральских геологов» (шотландский вулканолог Г. Тиррель); «Бесспорно, стоило приехать сюда за тысячи миль из Америки, чтобы иметь возможность взглянуть на изумительные уральские аметисты» (американский профессор А. Гометц).

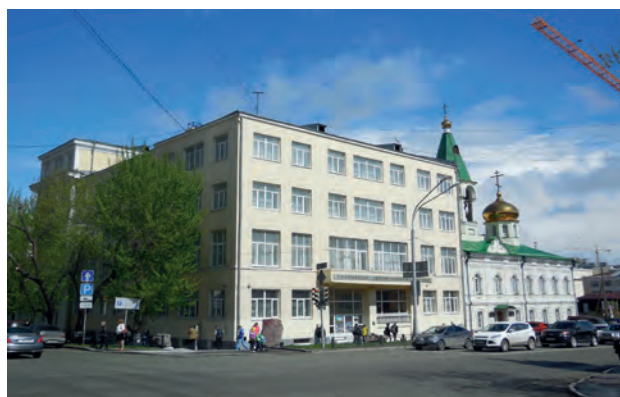
Не в последнюю очередь благодаря настойчивости К. К. Матвеева, не желавшего, чтобы институт расставался со своими коллекциями, в январе 1938 года выставка, до этого бывшая на балансе Дома Техники, решением Наркомтяжпрома была передана Горному институту. А уже в феврале приказом директора института «бывшая геологическая выставка» была преобразована в геологическую лабораторию – нынешний Уральский геологический музей.

Уральский геологический музей вскоре стал обязательным местом посещения всех знаменитых гостей Свердловска. Например, здесь был лидер Китая Мао Цзэдун, премьер-министры Индии Джавахарлал Неру и Индира Ганди, руководитель Вьетнама Хо Ши Мин и другие гости города.

Сегодня Уральский геологический музей считается одним из лучших региональных⁵⁷ музеев мира. В нем насчитывается более 40 000 экспонатов.

Уральский геологический музей (фото 1980-х годов)

Современный вид здания Уральского геологического музея. Фото автора.

⁵⁰ Уральский Дом Техники – пропагандистско-просветительское учреждение, организованное приказом Наркомтяжпрома Г. К. Орджоникидзе в 1935 г. Располагался в Свердловске в еще строящемся Доме Промышленности (ныне – здание «НПО автоматики», ул. Мамина-Сибиряка, 145).

⁵¹ Арест Федора Павловича Барсукова имел непосредственное отношение к выставке: его обвинили в срыве сроков ее подготовки и многочисленных ошибках.

⁵² Борис Владимирович Дидковский в 1920 году возглавлял Уральский геологический комитет, был председателем Уралразведки, Уралплана, управляющим Уральским геологическим трестом. Также известен как второй по счету ректор Уралуниверситета. О том, насколько высоко ценился этот человек до ареста, говорит тот факт, что он с семьей жил во Втором доме Советов (он же Дом чекиста) – единственном на тот момент 11-этажном небоскребе Свердловска, построенном для элиты. Его жену М. Н. Букину, которая работала геологом, на работу возила персональная пролетка.

⁵³ Николай Александрович Ушаков был арестован как бывший член партии эсеров, умер в лагере.

⁵⁴ Илья Петрович Скорodelов был арестован по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности, расстрелян.

⁵⁵ Иван Дмитриевич Кабаков – один из самых заметных руководителей области. Был арестован и расстрелян не только он, но и его жена, работавшая в партийной прессе. Позже Б. Н. Ельцин по стилю руководства во многом брал с него пример. Ельцин с 1972 по 1977 год даже жил в той же квартире Второго дома Советов, что и когда-то Кабаков, пока не переехал в новый дом для элиты на Набережной Рабочей молодежи, 1. Любопытно, что начиная с 1977 года, когда Второй дом Советов перестал считаться номенклатурным, в него начали активно селить ученых. Там, например, жил, будучи еще молодым кандидатом наук, будущий ректор УГГУ Н. П. Косарев (Ист.: Погодин С. История, тайны и легенды «Дома чекиста». Екатеринбург: БКИ, 2016. С. 403).

⁵⁶ О Модесте Онисимовиче Клере мы уже упоминали, а более подробный рассказ о нем будет позднее.

⁵⁷ Региональный – значит представляющий каменный материал одного региона, в данном случае – Урала.

Учебный корпус по ул. Хохрякова, 85. Это здание, в свою очередь, можно разделить на два: «сталинской постройки» (часть 3-го учебного корпуса по ул. Хохрякова с балконом по первому этажу) и «хрущевской постройки» (продолжение этого корпуса, построенное из кирпича). Если присмотреться, они отличаются визуально.

В 1936 году, когда шла подготовка к проведению геологической выставки, «четырёхэтажная коробка» по ул. Куйбышева, 39 уже была полностью достроена, а вот здание по ул. Хохрякова только начинало строиться: изначально, как «Геолком II очереди» (причем в планах было еще и строительство III очереди). После того как здание для проведения выставки передали на баланс Дому Техники, его директор Ф. П. Барсуков планировал достроить II и III очереди, однако из Москвы пришла резолюция зам. наркома тяжелой промышленности А. П. Завенягина о том, что «выставку строить не надо». И несмотря на то, что строительство было остановлено внутренним распоряжением Барсукова, после его ареста одно из обвинений было как раз в том, что он вместо организации выставки в уже действующем здании расходовал средства на строительство нового корпуса.

II очередь – то есть корпус по Хохрякова, 85, достраивался уже в ведении Горного института. Причем до войны строительство завершить не успели, и достраивался он уже только в 1947–1948 годах.

III очередь была достроена лишь в 1967 году, причем здание называлось уже «пристройкой к учебному зданию № 3» площадью 6000 м². В сборнике «50 лет Свердловскому горному институту» есть черно-белая фотография⁵⁸, где на фоне строительства «второй пристройки» запечатлены проф. Г. И. Вилесов, ректор института Г. П. Саковцев, академик Н. В. Мельников, проф. С. И. Федоров и проректор А. Т. Кмитовенко.

Незначительные перестройки были в здании и в более позднее время⁵⁹.

Традиционно сложилось, что в 3-м учебном корпусе, в шаговой доступности к коллекциям Уральского геологического музея, обучаются будущие геологи и геофизики (современный факультет геологии и геофизики – ФГиГ).

Осталось рассказать, пожалуй, об одной достопримечательности, связанной с этим зданием, – **огромной жеоде лимонита**, расположенной у входа в здание, которая является самым заметным экспонатом открытой Геологической аллеи, состоящей из множества образцов горных пород.

В начале 1930-х годов К. К. Матвеев съездил в командировку в Париж, где поработал в минералогической лаборатории музея естественной истории. Расположенное на территории Ботанического сада, здание этого музея всегда легко можно было найти, благодаря громадному кристаллу мориона у входа. Еще тогда у Матвеева родилась мысль: наш минералогический музей тоже должен начинаться прямо на улице.

Эту идею удалось воплотить в жизнь благодаря еще одному члену оргкомитета геологической выставки – известному уральскому горщику Г. Г. Китаеву. Григорий Григорьевич увидел эту жеоду у здания конторы на Бакальском руднике и загорелся идеей перевезти ее в Свердловск.

Уникальную по своим размерам жеоду обнаружили на Бакальском месторождении еще в 1905–1907 годах⁶⁰, и как-то накануне одного из престольных праздников рабочие за ведро водки пригласили «каменюку» к зданию конторы, где она и стала местной достопримечательностью. Теперь решено было к открытию выставки привезти ее к зданию будущего музея.

Зимой 1936 года за это дело взялся сам Китаев. Сделал сани из двух бревен, но когда на них навалили жеоду, бревна лопнули. Пришлось делать другие, окованные, а под жеоду сделать новый подкоп, что, кстати, было достаточно опасно: сотрудники НКВД, наблюдавшие за погрузкой, предпочли отойти, чтобы не отвечать, если про-

II очередь 3-го корпуса Свердловского горного института (фото начала 1960-х годов)

Современный вид II очереди 3-го корпуса УГГУ. Фото автора.

Строительство III очереди 3-го корпуса Свердловского горного института (1967 год)

Современный вид III очереди 3-го корпуса УГГУ. Фото автора

Жеода лимонита у входа в здание. 1958 год

⁵⁸ Бобылева Д. А. и др. 50 лет Свердловскому горному институту. М.: Недра, 1967. С. 19.

⁵⁹ Например, была переделана входная группа в крыле, где сейчас находится редакция журнала «Известия УГГУ».

⁶⁰ Наука и жизнь. 2015. № 11. С. 128–131.

Общий вид на 3-й корпус СГИ (1970-е годы)

Современный общий вид на 3-й корпус УГГУ.
Фото автора.Современный вид жёуды лимонита.
Фото автора.

изоидет несчастный случай. До станции Бакал жеоду тянули трактором, а потом всей станцией, включая начальника, грузили ее на платформу вместе с санями. Заодно и взвесили – получилось 9700 кг.

В Свердловске сани с жеодой пытались сдвинуть с места с помощью трех владимирских лошадей-тяжеловозов, но они не справились, пришлось их усилить пятитонным грузовиком – только такой вот колонной удалось довести жеоду до здания выставки, где ее и установили – во дворе. И конечно, она вызвала интерес гостей выставки: все хотели фотографироваться на ее фоне. На нынешнее место – к входу в 3-й учебный корпус – ее перенесли уже позже. Фотографироваться у этой жеоды принято до сих пор.

4-й учебный корпус УГГУ. Адрес: пер. Университетский, 7 2-й и 4-й учебные корпуса УГГУ стоят сегодня бок о бок и соединены внутренним переходом. Поначалу вызывает невольное удивление странная нумерация: почему рядом «двойка» и «четверка», а «единица» и «тройка» – через квартал. Причина проста: четвертый корпус строился самым последним, когда номера других корпусов уже давно стали как бы неотъемлемой частью их истории. Поэтому ничего переименовывать не стали, просто рядом со 2-м корпусом вырос 4-й. Однако история этого корпуса начинается несколько раньше времени его постройки.

Дом дедушки Мо. На месте, где сейчас находится 2-й корпус УГГУ, еще в середине XX века стоял бывший купеческий бревенчатый двухэтажный дом. Он тесно связан с историей Горного, потому что в нем жил Модест Онисимович Клер, которого в старости все ученики называли «дедушкой Мо».

О Модесте Онисимовиче мы уже упоминали, когда рассказывали о первом ректоре Горного института П. П. фон Веймарне: вместе с ним М. О. Клер в 1919 году уехал во Владивосток, а позже стал единственным из профессоров, который, вернувшись, всю жизнь проработал в Горном. Теперь пришло время рассказать о нем подробнее.

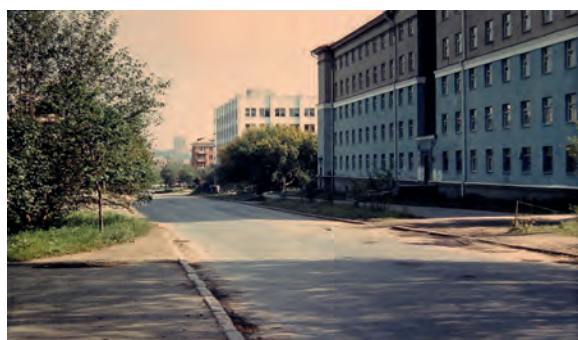
Начать нужно с того, что отец М. О. Клера – Онисим Петрович Клер – личность для Екатеринбурга легендарная. Подданный Швейцарии (из кантона Берн), он закончил Невшательскую промышленную школу и в 18 лет приехал в Россию, а еще через 4 года – в Екатеринбург, где начал преподавать французский язык. Здесь он стал инициатором создания УОЛЕ – знаменитого

Уральского общества любителей естествознания.

Сын Онисима Петровича, который, кстати, как и отец являлся швейцарским подданным, поехал на свою родину, чтобы окончить Невшательскую академию (в 1901 году) и защитить в Женеве докторскую диссертацию по палеонтологии (в 1903 году). Четыре года он работал в геологическом и палеонтологическом отделах музея природы Женевы. Но после все-таки вернулся в Россию, преподавал в Киеве, а потом переехал на Урал, где продолжал жить его отец. В Екатеринбурге он с 1911 года стал хранителем музея УОЛЕ и с удовольствием по просьбе Веймарна включился в проект создания Уральского горного института, став одним из его профессоров.

В июле 1919 года Клер-старший и Клер-младший виделись в последний раз: Модест уехал во Владивосток, а старый Онисим Петрович остался в Екатеринбурге и вскоре – в январе 1920 года – умер. А сын вместо того чтобы из Владивостока уехать на свою родину, в благополучную Швейцарию, вернулся в Екатеринбург, чтобы продолжить дело отца: вернувшись, он возглавил здесь УОЛЕ и продолжал преподавать. В 1923 году его арестовали. Процесс был громким – его обвиняли в контрреволюционных высказываниях и шпионаже в пользу Швейцарии. Зато защищать его приехали адвокаты из Москвы. Для обвинений основания, кстати говоря, были по тем временам серьезными: общаясь с коллегами-геологами из швейцарской компании «Эндюсриэль де платин», владевшей в то время платиновыми рудниками на Урале, он спокойно обсуждал разруху на советских рудниках, да и геологическими изысканиями делился именно так, как это принято с коллегами. Несмотря на адвокатов, он получил «высшую меру» – расстрел. Однако за Клера заступились многие ученые, в том числе академик Ферсман, и его приговорили всего к пяти годам «поражения в правах» и двумя годами работ в школах ликвидации неграмотности при домах заключения: просто сказка по тем временам. В эти годы он, кстати говоря, ликвидировал неграмотность заключенных, не выезжая из Екатеринбурга – в нынешнем СИЗО-1.

Спустя пять лет Клер стал «рецидивистом» – снова попал под каток правосудия, на этот раз «по делу Промпартии». И опять отделается лишь лишением швейцарского гражданства без права выезжать из Свердловска. В этот период он и поселился в своем бревенчатом доме, где проживет до конца жизни.

Вид на 4-й корпус СГИ с ул. Народной Воли (1980-е годы)

Современный вид 4-го корпуса УГГУ. Фото автора.

Строительство перехода из 2-го в 4-е здание СГИ (1980 год)

Современный вид перехода из 2-го в 4-е здание УГГУ. Фото автора.

Всю жизнь М. О. Клер проработал в Горном институте, а будучи уже на пенсии стал много внимания уделять школьникам. Его дом, полный бесчисленных книг, коллекций камней и странных экспонатов (чего стоил один лишь желтый зуб доисторической акулы!) стал своеобразной Меккой для целых поколений школьников и студентов Горного, с которыми он проводил занятия и геологические экскурсии.

Умер Модест Онисимович в 1966 году. А его прозвище – «дедушка Мо» – настолько срослось с ним, что на его могиле написано: Клер Модест Онисимович (дедушка Мо). Сходите как-нибудь на Ширококореченское кладбище и убедитесь сами.

Учебный корпус 4-го здания – это уже «брежневская постройка». Он строился в 1970-х годах, когда ректором Горного института был Глеб Павлович Саковцев (тот самый, при котором

достраивалось и 3-е здание). Объект был сдан в 1980-м – в год московской олимпиады.

4-й корпус был долгожданным подарком для всех сотрудников и студентов Свердловского горного института, потому что в этом здании было спроектировано специальное помещение для библиотеки, которая переехала туда из 1-го корпуса, а также большой актовыв зал, где можно было проводить массовые мероприятия. Сейчас там работает студенческий культурный центр. Также в 4-м здании расположены факультет мировой экономики и бизнеса УГГУ и инженерно-экономический факультет (ИЭФ).

Окончание читайте в следующем номере.

Александр Георгиевич Шорин,
sandy_blood@mail.ru
Уральский государственный горный университет
Россия, Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30